УДК 821.161.1-3-93
ББК 84(2=411.2)6-445.1

Ж74

Житинский А.Н.

Ж74 Часы с вариантами / Александр Житинский. – М.: Волчок, 2019. – 160 с. – (Не прислоняться).

ISBN 978-5-907180-05-5

На свой шестнадцатый день рождения Сергей Мартынцев получает от дедушки необычный подарок – часы, с помощью которых можно путешествовать во времени. Он не сразу решается испытать их, но, попробовав, уже не может остановиться. Сергей то отправляется в прошлое и еще раз переживает лучшие моменты своей жизни, то, наоборот, устремляется в будущее в надежде избежать горестей и неудач. Однако вскоре приходит усталость от хаотичных передвижений во времени, и он начинает задумываться о смысле дедушкиного подарка.

УДК 821.161.1-3-93
ББК 84(2=411.2)6-445.1

ISBN 978-5-907180-05-5

- © Житинский А.Н., наследники, текст, 1985
- © Копейкин А.А., текст об авторе, 2019
- © Булай Е.В., иллюстрация на обложке, леттеринг, 2019
- © ООО «Издательство Волчок», оформление, 2019

Сегодня по календарю 24 июля 1985 года.

Это означает, что ровно через неделю мне снова сдавать экзамены в институт, который я уже однажды кончал, если, конечно, я опять не прыгну вперед или назад.

Я знатный прыгун.

Интересно знать, сколько мне всего лет? По паспорту, который торчит из кармана джинсов с заложенными в нем двенадцатью фотокарточками три на четыре, мне – семнадцать. Но этот возраст, равно как и сегодняшнее календарное число, имеет смысл для всех людей, только не для меня.

Истинное количество прожитых мною лет теперь подсчитать затруднительно. Я слишком много прыгал туда и сюда. Пришлось бы собирать время по кусочкам. Среди них были совсем крохотные, не больше нескольких часов. Впрочем, поначалу я совсем не фиксировал длительность своих прыжков, так что точно уже не сосчитать. Думаю все же, что я прожил в общей сложности лет сто двадцать.

Меня зовут Сергей Мартынцев. Это абсолютно точно. Я всегда оставался Сергеем Мартынцевым, куда бы ни прыгал и как бы далеко ни залетал. Я убедился, что имя – это единственная абсолютная реальность. Все остальное могло меняться: друзья, любимые, недруги, профессии и жизненные вехи. Даже даты рождения и смерти.

Отец сидит в соседней комнате и смотрит себя по телевизору. Он только что вернулся из Бразилии, сейчас на экране он разговаривает с бразильским сборщиком кофе. Мой отец – журналист. Он почти всегда был журналистом, лишь однажды я застал его военным переводчиком. Но об этом лучше не вспоминать.

Мне довелось похоронить отца. Это было уже в двадцать первом веке, незадолго до столетнего юбилея советской власти*. В «Известиях» поместили некролог, где назвали отца «крупным журналистом-международником». Сразу после похорон я прыгнул назад, не мог этого вынести. Первые дни после смерти отца я разговаривал с ним осторожно, точно с привидением. Он даже подумал, что я заболел.

– У тебя смурной вид, – сказал он.

Еще бы! Знал бы он, что три дня назад я стоял с матерью в траурном зале под звуки скорбной музыки...

* Столетний юбилей советской власти отмечался бы 7 ноября 2017 года, если бы Советский Союз просуществовал до этого времени. Повесть «Часы с вариантами» написана в 1984 году, и автор не мог знать, что СССР прекратит свое существование 26 декабря 1991 года. (Здесь и далее примеч. ред.)

Но говорить ему об этом бессмысленно. Тогда он точно решит, что я заболел.

Между тем мое поведение не имеет ничего общего с болезнью. И психика у меня нормальная, хотя она-то как раз могла расшататься. Попробуйте поговорить с родным отцом наяву после его смерти или, очутившись в одной комнате с незнакомой женщиной, вдруг узнать, что это ваша жена. Впрочем, об этом после.

Здесь я намерен рассказать о своей жизни, точнее, о своих жизнях, ибо их у меня было довольно много. Дело даже не в том, что они были интересны. Просто мне довелось заскакивать туда, куда вам еще предстоит дойти. Я не утверждаю, что вы непременно туда придете. Все зависит от конкретного пути, а путей, как я убедился, бесчисленное множество. Однако совпадение не исключено.

Эта история началась год назад... Снова я вынужден остановиться, чтобы пояснить, что на самом деле она началась давным-давно, много жизней назад, однако по календарю это произошло в восемьдесят четвертом году. Должен также предупредить, чтобы вы не слишком доверяли словам «на самом деле». Никакого «на самом деле» нет, как вы сможете убедиться.

Одним словом, когда мне впервые исполнилось шестнадцать лет, ко мне пришел дедушка.

Я был в комнате один, заканчивались весенние каникулы; я лежал на тахте в стереонаушниках и слушал

пластинку «Обратная сторона Луны» группы Pink Floyd. Она немного устарела, но по-прежнему нравилась мне. Отец был в Японии, мама на работе. Часы показывали половину двенадцатого.

Вероятно, деду открыла Светка. Она тогда ждала ребенка, моего племянника Никиту, о котором позже, и целыми днями сидела дома, плача от страха. Светка на три года старше меня.

Дед вошел неслышно. Впрочем, даже если бы он топал, как слон, я все равно ничего бы не услышал – как раз было громкое соло Ричарда Райта на органе. Дед подошел ко мне и снял наушники с моей головы. Я удивленно вытаращился на деда.

Причин удивляться было несколько. Во-первых, дед приезжал к нам крайне редко. У него были натянутые отношения с отцом, как я понимаю, не оправдавшим его надежд. Журналистика для деда – занятие суетное и малопочтенное. Мой дед был контр-адмиралом в отставке. Он жил один, вернее, после смерти бабушки ему помогала пожилая женщина Антонина Степановна. Дед звал ее экономкой.

Во-вторых, дед явился в форме. Я не видел его в мундире довольно давно, с детства, когда дед еще командовал кораблями и флотилиями. Это впечатление глубоко врезалось в память, особенно адмиральский золотой кортик, болтавшийся на боку.

Выйдя в отставку, дед надевал мундир только на торжественные собрания, посвященные Дню

Победы, где я, естественно, не бывал. Сейчас он был при полном параде и при кортике, необычайно серьезный.

— Здравствуй, Сергей. Поздравляю тебя. С сегодняшнего дня ты — мужчина, — торжественно проговорил он и расцеловал меня.

Из наушников на тахте продолжал попискивать Pink Floyd.

— Выключи это, — поморщился дед. — Я хочу говорить с тобой.

Я насторожился, ожидая очередного воспитательного разговора, которыми потчевали меня родители перед шестнадцатилетием. «Ты становишься взрослым, пора подумать о будущем...» И прочее в том же духе. Мне это все порядком осточертело.

Дед уселся на тахту рядом со мной и с минуту молчал, положив руку мне на плечо. Я почувствовал, что рука дрожит.

Затем он с усилием отстегнул кортик и положил его на ладонь.

— Вот тебе мой подарок. По уставу личное оружие остается в семье. Мне скоро уходить, я хочу, чтобы он принадлежал тебе.

— Ну зачем ты так, дед... — вяло возразил я.

— Я знаю, что говорю.

Я принял кортик. Он был прохладен и тяжел. Я нажал на кнопчку у эфеса и вытянул лезвие из ножен. Оно было покрыто тончайшим слоем желтого

масла. На рукоятке стояли три буквы: «Р. Д. М.» — Родион Дмитриевич Мартынец.

— Но это не главное, — сказал дед, поднимаясь с тахты.

Я с интересом следил за ним. Дед был невысок и худ, последние годы он как-то усох, мундир на нем болтался. Седая короткая стрижка, множество морщин на лице, но глаза ясные и живые...

— Встань, Сережа. Сейчас ты обалдеешь, — сказал он и подмигнул мне. Я действительно обалдел. Не думал, что дед способен произносить наши слова. Обычно он был велеречив.

Я послушно встал. Дед был мне по плечо. Он испытующе, с хитрецей взглянул на меня снизу вверх, будто старый пират, открывающий юнге тайну клада, зарытого на далеком острове сорок лет назад.

В сущности, так оно и было. К сожалению, ничего в этом нет смешного, как выяснилось за прошедшую жизнь.

— Эк ты вымахал, — сказал дед, одновременно с восхищением и неудовольствием.

Он оглянулся на дверь и с воровским видом запустил сухую ладонь во внутренний карман адмиральской тужурки. Когда он вынул руку, в ней был небольшой, круглый, тускло поблескивающий предмет.

Щелкнула крышка, и я увидел циферблат старинных часов с тонкими резными стрелками и делениями по кругу до 24, а не до 12, как это обычно бывает. По левую и правую сторону циферблата

располагались окошечки календаря. На календаре стояли число, месяц и год, соответствующие происходящим. Стрелки часов приближались к двенадцати, хотя казалось, что к шести, потому что цифра 12 находилась на месте шестерки обычных часов.

– Нравится? – спросил дед, заглядывая мне в лицо.

Я кивнул, хотя, честно говоря, особого восторга не испытал. Часы как часы. Кортик потряс мое воображение значительно сильнее. Я уже прикидывал, как после каникул понесу его в школу и покажу ребятам.

Вдруг дед убрал вниз ладонь, на которой покоились часы, но они остались висеть в воздухе на том же месте. Я остолбенел.

– Видишь? Они ничего не весят, – удовлетворенно проговорил дед и легонько толкнул часы указательным пальцем. Они плавно поплыли по воздуху.

Такие фокусы я раньше видел только по телевизору, когда показывали репортажи с борта орбитальной станции «Салют» и космонавты демонстрировали состояние невесомости, пуская по воздуху разные предметы. На Земле это выглядело чудом.

– И это не самое главное, – сказал дед, ловя часы и захлопывая крышку. В момент щелчка окружающее пространство как бы дрогнуло, будто от бесшумного взрыва.

Первой моей мыслью было: дед на старости лет увлекся фокусами, стал иллюзионистом-любителем. Вторая мысль была еще хлеще: дед спятил. Его рассказ блестяще это подтвердил.

Дед сказал, что часы волшебные. Слышать это от старого человека в парадной адмиральской ту-журке было дико. По словам деда, волшебство часов заключалось в следующем. Во-первых, они всегда шли абсолютно точно, не требуя завода. Во-вторых, если попробовать перевести стрелки и календарь, для чего сбоку имелись три маленькие головки, а после захлопнуть крышку, то в то же самое мгновение наступало время, показываемое часами.

– Где? – тупо спросил я.

– Что – где? – рассердился дед.

– Где наступает время?

– В пространстве, – он обвел рукой комнату.

– В каком?

– Ну, во Вселенной, – скромно пояснил дед.

Таким образом, это были часы обратного действия. Не время указывало им, какой год, месяц, день и час должны стоять на циферблате, а они управляли временем, предписывая ему, каким быть.

Дед получил эти часы в наследство от своего отца, моего прадеда. Тот был профессиональным революционером, политкаторжанином*, заработал на каторге

* Политкаторжанин (политический каторжанин) – человек, посланный на каторгу за политическую деятельность. Каторга (каторжные работы) – самый суровый вид наказания в Российской империи (1721–1917) после смертной казни. Приговоренные к каторге выполняли наиболее тяжелую работу на рудниках и заводах, при этом их содержали в самых суровых тюремных условиях.

чахотку* и умер в двадцать пятом году. Часы он подарил сыну в день его шестнадцатилетия, за два года до своей смерти.

Дед неторопливо рассказывал, поигрывая часами: то отпускал их — и они плыли в воздухе, по принципу Галилея сохраняя состояние равномерного прямолинейного движения, — то ловил их в ладонь, как муху.

— Почему они ничего не весят? — спросил я, будто это было самым главным.

Вообще говоря, этот факт действительно подтверждал необычность часов, если не был искусной иллюзией. Все остальное нуждалось в проверке. Что, если дед вычитал про часы в какой-нибудь научно-фантастической повести, а теперь меня разыгрывает?

— Я не знаю, — сказал дед. — Я моряк, а не физик. Мне говорили, что время как-то связано с силой тяготения. Вроде бы эти часы являются одним из полюсов гравитационного поля...

— А сколько всего полюсов?

— Не знаю, — отмахнулся дед. — Когда профессиональному военному дают новое оружие, его мало интересует, на каком принципе оно основано. Но он должен досконально знать его возможности: как, где, когда и против кого его следует применять. Понял?

— Какое же это оружие? — возразил я. — Так, игрушка...

* Чахотка — устаревшее название туберкулеза, самого распространенного тяжелого заболевания среди каторжан.

– Опасная игрушка, мальчик, – отчеканил дед, глядя на меня почти со злостью. – Ты в этом убедишься. Если, конечно, воспользуешься ею. Если осмелишься воспользоваться.

– Еще как воспользуюсь, – сказал я.

Дед снова открыл крышку часов и взглянул на стрелки. Было без двух двенадцать.

– Запомни эту минуту, малыш, – тихим голосом сказал дед. – Полдень двадцать седьмого марта одна тысяча девятьсот восемьдесят четвертого года. Возьми!

Он протянул мне часы. Я взял их. Ощущение было странное: часы одновременно были легки, поскольку ничего не весили, но массивны, так что приходилось прилагать усилие, чтобы сдвинуть их с места. Часы словно сопротивлялись движению, вели себя как живые.

– Непослушные, правда? – неожиданно улыбнулся дед.

– Значит, если переставить их на год назад, щелкнуть крышкой, то будет... – начал вслух размышлять я.

– То и будет год назад, – нетерпеливо перебил дед.

– Мне снова будет пятнадцать... И я окажусь там, где находился ровно год назад? Так?

– Да! Да! И ты, и я, и все. Понимаешь – все! Весь мир, все люди, вся Вселенная окажется там, где они были год назад. В том же положении и состоянии.

– А те, что умерли за этот год? – вдруг спросил я.
– Они воскреснут, – строго сказал дед.
– Ого! – сказал я, уважительно глядя на часы. –
А дальше?

До меня еще по-настоящему не доходило.

– А дальше все будут жить снова тот год, который
прожили! – закричал он. – Почему ты такой глупый
мальчик?!

– И все повторится? Неинтересно.

– А вот и нет! Нельзя дважды войти в одну
и ту же реку! Нельзя! Это ты знаешь? Так говорили
древние! – кричал он.

– Почему ты кричишь? – обиделся я.

– Потому что в двадцать третьем году, когда отец
подарил мне эти часы, я не знал и половины того, что
знаешь ты сегодня. Но я был взрослее, – сказал
он огорченно. – Может быть, я рано дарю тебе часы?

– Пожалуйста. Можешь не дарить. Не больно-то
хотелось...

– Нет уж. Возьми, милоч, – сказал он, отводя мою
руку с часами. – Возьми. Подумай, как ими пользо-
ваться. И нужно ли. Подумай.

У него была привычка повторять слова с разной
интонацией.

– Я ухожу, – сказал он. – Ухожу. Никто не должен
о них знать. Это может повредить тебе... Потом, когда
ты помозгуешь над ними, мы поговорим.

– Постой, я же еще ничего не знаю! – взмолился я.